

РУССКОЕ И АНГЛИЙСКОЕ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ОБМАНА В АСПЕКТЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТИ

Говоря о степени соотносимости объединений фразеологических единиц (ФЕ) с общей семантикой в языках, выбранных для компаративного анализа, необходимо начать с вопроса о важности сопоставительного изучения ФЕ вообще. Данный подход к исследованию фразеосемантических полей (ФСП) кажется наиболее релевантным, так как он предполагает «выявление и исследование алломорфных и изоморфных характеристик на фразеологическом уровне, выделение и изучение полных и частичных эквивалентов и аналогов в двух языках, и безэквивалентных фразеологических единиц, не имеющих соответствий во фразеологической системе другого языка» [1, с. 37], как было отмечено Е. Ф. Арсентьевой в ее работе «Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках)».

Стоит отметить, что многие исследователи, занимающиеся сопоставительным анализом ФСП разных языков, придерживаются своих собственных критериев, на базе которых ФЕ могут быть соотнесены по степени близости. Так, А. Д. Райхштейн в своей работе «Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии» соотносит ФЕ «а) в отдельных аспектах их формально-смысловой организации, главным образом лексическом и структурно-синтаксическом (аспектная соотнесенность); б) в их совокупном содержании, т.е. сигнификативно-денотативном и коннотативно-прагматическом значении (функционально-смысловая соотнесенность)» [4, с. 24]. Таким образом, ФЕ сопоставляются на основе компонентного состава, грамматической, семантической и структурной организаций. Из этого следует следующее деление ФЕ на межъязыковые группы: а) тождество (полное совпадение аспектной организации и общего

смысла); б) лексическая вариантность или структурная синонимия (полное совпадение смысловой и синтаксической организаций при неполном совпадении компонентного состава); в) идеографическая синонимия (неполное тождество сигнификативного значения с учетом наличия особенных семантических признаков у ФЕ сопоставляемых языков); г) гиперо-гипонимия (неполное соответствие совокупного сигнификативного значения с учетом наличия у ФЕ одного из соотносимых языков добавочных семантических признаков); д) стилистическая синонимия (неполное совпадение совокупного смысла за счет различий в стилистических значениях); е) омонимия и полисемия (тождество аспектной организации при наличии значительных или не слишком отличий в общем смысле); ж) энантиосемия (тождество аспектной организации при абсолютной расхожести общего смысла) [4, с. 29—30].

Во вводной статье к «Большому англо-русскому фразеологическому словарю» на базе семантики и образной основы А. В. Кунин выделяет эквиваленты — разноязычные фразеологизмы, совпадающие и по смыслу, и по образной основе; аналоги — фразеологизмы двух языков, соотносимые по значению, но различные по образной основе полностью или частично; безэквивалентные ФЕ, перевод которых на язык сопоставления может быть описательным (свободные словосочетания), анатомическим (передача смысла с помощью утвердительной конструкции или наоборот), калькированным, комбинированным (калькирование + описательный), а также с использованием приема компенсации [3, с. 10].

Е. Ф. Арсентьева полагает, что «наиболее правомерным можно считать рассмотрение ФЕ в трех аспектах: семантическом, структурно-грамматическом и компонентном» [1, с. 26]. Исходя из указанных уровней, она выделяет три группы межъязыковых отношений: фразеологические эквиваленты (полные и частичные), фразеологические аналоги (полные и частичные) и безэквивалентные фразеологические единицы. В своей работе Е. Ф. Арсентьева также распределяет русские и английские фразеологизмы,

семантически ориентированные на человека, по названным группам и указывает численное большинство и меньшинство ФЕ в каждой выделенной ею по степени соотносимости группе и подгруппе, что, несомненно, следует рассматривать как важное достижение.

В данной работе мы будем опираться на исследование Е. Ф. Арсентьевой, так как ее подход к сопоставлению ФЕ разных языков представляется нам наиболее убедительным и детальным. Ей удалось эксплицитно обозначить важность аспектов, в свете которых происходит разделение ФЕ на межъязыковые группы по своей соотносимости. Е. Ф. Арсентьева определяет семантический уровень в качестве основного, так как «семы выступают не только как конstituенты основных семантических составляющих ФЕ, но и как связующие звенья между ними. Они являются минимальными единицами семантики ФЕ и выполняют смыслоопределяющую или смыслообразующую функции» [1, с. 37]. В рамках семантического уровня она выделяет сигнификативно-денотативное значение ФЕ, субъективно-оценочную, функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную коннотацию фразеологизмов. На структурно-грамматическом уровне производится сопоставление структурной организации и грамматической принадлежности. Компонентный же уровень, являясь наиболее изменчивым и подвижным, предполагает сопоставление лексических элементов сравниваемых ФЕ. Обратимся к более подробному рассмотрению выделенных Е. Ф. Арсентьевой на базе данных критериев межъязыковых отношений.

Фразеологические эквиваленты могут быть подразделены на полные и частичные. К полным эквивалентам относятся такие ФЕ, которые совпадают на всех трех уровнях: семантическом, структурно-грамматическом и компонентном. Среди частичных эквивалентов (у них могут наблюдаться некоторые различия в плане выражения) выделяется три подгруппы. К первой подгруппе относятся ФЕ, которые различаются лишь одним компонентом смежной семантики. Ко второй подгруппе относятся такие ФЕ, которые, имея

некоторые различия в плане выражения, могут также обнаруживать наличие варьируемых компонентов. Третья подгруппа включает ФЕ, чей компонентный состав может как совпадать, так и несколько разниться, однако также наблюдаются незначительные морфологические отличия, т.е. отличия в структурно-грамматической организации (к примеру, в предлоге). В целом, полные и частичные фразеологические эквиваленты характеризуются абсолютным совпадением плана содержания и отсутствием отличий или незначительными отличиями в плане выражения.

Что касается полных фразеологических аналогов (выражают совпадающее или близкое значение, но характеризуются полным различием или лишь приблизительным сходством своей формы), то среди них также можно выделить три подгруппы. К первой подгруппе относятся такие аналоги, в которых наблюдается приблизительное сходство структурно-грамматической организации (принадлежность к одному грамматическому классу, не зависимо от структуры) и наличие одной одинаковой лексики в компонентном составе. В рамках второй подгруппы фразеологических аналогов Е. Ф. Арсентьева рассматривает такие ФЕ, чья структурно-грамматическая организация характеризуется приблизительным сходством, а компонентный состав — абсолютным различием. Третья подгруппа включает ФЕ, имеющие разную структурно-грамматическую организацию и разный компонентный состав.

Частичные аналоги имеют разный компонентный состав, разную или немного сходную структурно-грамматическую организацию и приблизительно схожее значение: «семантика ФЕ кроме общей семы включает в себя другую, дополнительную сему» [1, с. 113]. Они не относятся ни к одной из вышеперечисленных групп, но еще не являются безэквивалентными.

Перейдем к рассмотрению безэквивалентных ФЕ. Безэквивалентными считаются те ФЕ, которые не имеют по тем или иным причинам соответствий среди ФЕ другого языка. Классификация безэквивалентных ФЕ, предложенная Е. Ф. Арсентьевой, не вполне подходит для

лингвокогнитивного исследования фразеологии. Для работы такого рода необходимо определить характер семантической безэквивалентности фразеологизмов. В связи с этим, М. С. Гутовская в своей статье «Этноспецифичность фразеологической картины мира и факторы, ее порождающие» отмечает, что «межъязыковая фразеологическая безэквивалентность может быть обусловлена причинами интралингвистическими, культурными (внешними) и когнитивными (внутренними)» [2, с. 50]. Лингвистически обусловленная безэквивалентность связана с «номинативными особенностями языка — именованием некоторого феномена в одном языке фразеологическими средствами, а в другом лексическими» [2, с. 50]. Культурно обусловленная безэквивалентность определяется «различиями в природно-географической среде, социально-политическом устройстве, истории, духовной и материальной культуре этнолингвокультурных сообществ — отсутствием в одном из них соответствующего явления» [2, с. 50]. Когнитивный характер безэквивалентности выражается «особенностями склада мышления — наличием потребности у одной из этнолингвокультур различать и фиксировать в языке то, что другая этнолингвокультура не различает» [2, с. 50].

Таким образом, охарактеризовав все возможные межъязыковые фразеологические отношения, представляется возможным перейти непосредственно к фразеологизмам русского ФСП 'обман' и английского ФСП 'deception' и установить количественное соотношение фразеологических эквивалентов, аналогов и безэквивалентных ФЕ, в соответствии с типологией Е. Ф. Арсентьевой.

Среди ФЕ, относящихся к русскому ФСП 'обман' и английскому ФСП 'deception' и имеющих соответствия в языке сопоставления, представлены все типы и подтипы межъязыковых фразеологических отношений, выделяемых Е. Ф. Арсентьевой. К полным фразеологическим эквивалентам (не имеют различий в плане выражения и плане содержания) отнесены следующие ФЕ:

двуликий Янус — *two-faced Janus*, крокодиловы слезы — *crocodile tears*. Частичные эквиваленты первой подгруппы (имеют незначительные различия в плане выражения — компонент синонимичного значения) представлены такими ФЕ: *как волк в овечьей шкуре* — *wolf in sheep's clothing*, *пустить (пускать) пыль в глаза* — *throw dust in someone's eyes*. К частичным эквивалентам второй подгруппы (обнаруживают вариантность в своем составе) могут быть отнесены ФЕ *под видом (кого)* — *under the guise (color) of*. Среди частичных эквивалентов третьей подгруппы (характеризуются некоторыми морфологическими различиями) выделяются: *играть в кошки-мышки* — *play cats and mouse*, *за спиной (делать что)* — *do sth behind sb's back*.

Первая подгруппа полных фразеологических аналогов (отображают идентичность структурно-грамматического состава (принадлежность к одной части речи) и наличие хотя бы одного компонента схожей семантики) включает в себя ФЕ *стреляный (старый) воробей (или зверь и т.п.)* и *стреляная птица* — *a wise (knowing) old bird or an old hand*, *гроб повапленный* — *whited sepulcher*, *змея подколодная* — *a snake in the grass*. Ко второй подгруппе полных фразеологических аналогов (несходный компонентный состав, но не совсем различная структурно-грамматическая организация, т.е. частеречная принадлежность) относятся: *втереть (втирать) очки* — *blow smoke (up sb's ass)*, *метать пелли* — *spin (sb) a story/tale/yarn*. Наконец, среди полных фразеологических аналогов, относящихся к третьей подгруппе, такие ФЕ, как: *дуть (или петь) в уши* — *tell porkies*, *вывести на чистую (свежую)* — *body to show smb up <for what he really is> or to bring smth <out>*. Частичные аналоги (не совпадают по компонентному составу, присутствуют различия в семантике, приблизительно схожа структурно-грамматическая организация) представлены следующими ФЕ: *убить бобра* — *lay (put, set) the saddle on the wrong horse*, *в ложном свете (видеть, представлять)* — *be living in a fool's paradise*.

Перейдем к рассмотрению безэквивалентных ФЕ на базе классификации, предложенной М. С. Гутовской. Лингвистически

обусловленные безэквивалентные ФЕ представлены фразеологизмом *swing the lead*, которому в русском языке соответствует одиночная лексема *симулировать*. К когнитивно обусловленным безэквивалентным ФЕ относится *cook the books, also fiddle the books*, что означает бесчестно изменять финансовую отчетность в организации для того, чтобы украсть деньги, либо показать компанию более успешной, чем она есть на самом деле. Культурно обусловленные безэквивалентные ФЕ не представлены в исследуемых полях.

Оценивая количественную представленность групп и подгрупп фразеологизмами, относящимися к русскому полю 'обман' и к английскому полю 'deception', возможно указать на преобладание полных фразеологических аналогов второй подгруппы. Показательно, что схожие результаты получены Е. Ф. Арсентьевой в ее исследовании, ориентированном на человека: «данная группа фразеологических аналогов является самой многочисленной не только в группе аналогов, но и значительно превосходит количество полных и частичных эквивалентов» [1, с. 109]. Широко представлена и третья подгруппа полных фразеологических аналогов, что также совпадает с данными работы Е. Ф. Арсентьевой. Частичные аналоги, как и две указанные подгруппы полных аналогов, также фигурируют достаточно часто. Возможно, это связано с наличием в одной из ФЕ семы с дополнительным значением, в то время как остальные семы совпадают (приблизительно схожий план содержания).

Мера семантической близости коррелятивных ФСП двух языков может быть выявлена с помощью формулы, которая широко используется в психосемантике для выявления меры семантической близости ассоциативных полей [5, с. 77]. Мера семантической близости одноименных ФСП в сопоставляемых языках (S) вычисляется как отношение количества совпадающих сем к общему количеству сем двух ФСП: $S = C / (N1 + N2)$, где C — количество совпадающих сем, N1 — количество сем ФСП 'обман' в русском языке, N2 — количество сем ФСП 'deception' в английском языке. Количество совпадающих сем в русском и английском языках — 23;

количество сем в русском языке — 27; в английском — 34, тогда $S = 23 / (27 + 34)$. Семантическое совпадение изучаемых ФСП равно 0,4.

Таким образом, степень семантической близости фразеосемантических полей 'обман' и 'deception' русского и английского языков соответственно является достаточно высокой, т.к. максимально возможный показатель — 0,5. Коррелятивные поля совпадают на 0,4, что можно считать хорошим показателем.

Литература:

1. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках) / Е. А. Арсентьева. — Казань: Издательство Казанского университета, 1989. — 130 с.
2. Гутовская, М. С. Этноспецифичность фразеологической картины мира и факторы, ее порождающие / М. С. Гутовская // Веснік БДУ. Сер. 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. — 2014. — № 2. — С. 48-53.
3. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М. Д. Литвинова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. Рус. Яз., 1984. — 944 с.
4. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. — М. Высшая школа, 1980. — 143 с.
5. Серкин, В. П. Методы психосемантики / В. П. Серкин. — М.: АспектПресс, 2004. — 207 с.
6. ФСРЯ. Фразеологический словарь русского языка / А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. — 4-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз-Медиа; Дрофа, 2008. — 334 с.
7. LID. Longman Idioms Dictionary. — Pearson Education, Longman, 2002. — 402 с.
8. ФС. Фразеологический словарь русского языка, сост.: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров, под ред. А. И. Молоткова. — М.: Советская Энциклопедия, 1968. — 538 с.

9. АРСФ. Пархамович, Т. В. Англо-русский, русско-английский словарь фразеологизмов. — Минск, Попурри, 2011. — 128 с.
10. РФС. Краткий русско-английский фразеологический словарь, Гуревич В. В., Ж. А. Дрозд. — М.: ВЛАДОС, 1995. — 291 с.